

СОДЕРЖАНИЕ

Николаев В.Г. «Золотой век» чикагской социологии

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И МЕТОД СОЦИОЛОГИИ

Бёрджесс Э.У. Рост города: введение в исследовательский проект

Маккензи Р.Д. Экологический подход к изучению человеческого сообщества

Парк Р.Э., Томас У.А. Участие и социальная ассимиляция

Фэрис Э. Первичная группа: существенное и случайное

Хьюз Э.Ч. Изучение институтов

Хьюз Э.Ч. Институциональная должность и персона

Хьюз Э.Ч. Работа и человеческое Я

РАЗДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ И СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Вирт Л. Гетто

Глава I. Введение

Глава II. Происхождение гетто

Глава III. Гетто становится институтом

Глава XI. Чикагское гетто

Глава XIII. Возвращение в гетто

Глава XIV. Социологическая значимость гетто

Зорбо Х.У. Золотой Берег и трущобы

Глава III. Золотой Берег

Глава IV. Мир меблированных комнат

Глава XI. Город и сообщество

Кресси П.Г. Таксидэнс-холл

Глава III. Таксидэнс-холл как социальный мир

Глава VIII. Происхождение таксидэнс-холла

Стоунквист Э.В. Маргинальный человек

Глава V. Жизненный цикл маргинального человека

Глава X. Неприспособленность и приспособление

Глава XI. Социологическая значимость маргинального человека

Трэшер Ф.М. Шайка

Глава II. Образование шайки

Глава III. Что такое шайка?

Глава XV. Групповой контроль в шайке

Фэрис Э. Секта и сектант

Хейнер Н.С. Гостиничная жизнь

Хейнер Н.С. Исследования тюремных сообществ и сообществ заключенных

Тюрьма как сообщество (*Хейнер Н.С., Эш С.*)

Сообщество заключенных как социальная группа (*Хейнер Н.С., Эш С.*)

Хьюз Х.М. Новость и интересная история

В.Г. НИКОЛАЕВ*
«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ЧИКАГСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Эта книга продолжает серию публикаций, представляющих основные достижения чикагской социологии¹. Наследие Чикагской школы значимо не только содержащимися в нём вкладами в социологическую теорию, которые неплохо освещены в критической литературе², но и огромным и не вполне оцененным опытом эмпирических исследований, привлекающим с конца XX в. внимание ряда американских и европейских авторов³, но до сих пор плохо известным у нас. В книге представлен преимущественно этот опыт.

С «золотого века» чикагской социологии, охватывающего период с середины 1910-х до середины 30-х годов, начинается в известном смысле современная американская социология и, поскольку облик социологии после

---

* Николаев Владимир Геннадьевич – к.с.н., доцент департамента социологии факультета социальных наук и Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, ст.н.с. Отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН.

¹ К настоящему времени, помимо журнальных публикаций, в ИНИОН РАН были подготовлены и изданы сборники переводов: Вирт Л. Избранные работы по социологии. – М.: ИНИОН РАН, 2005; Мид Дж.Г. Избранное. – М.: ИНИОН РАН, 2009; Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века. – М.: ИНИОН РАН, 2010; Парк Р.Э. Избранные очерки. – М.: ИНИОН РАН, 2011.

² Наиболее представительная подборка критических работ о Чикагской школе содержится в: Plummer K. (ed.) *Chicago sociology: Critical assessments*. – 4 vols. – L.: Routledge, 1997. Емкий общий обзор и аннотированную библиографию см.: Kurtz L.R. *Evaluating Chicago sociology: A guide to the literature, with an annotated bibliography*. – Chicago: University of Chicago Press, 1984. Другие важные публикации: Abbott A. *Department and discipline: Chicago sociology at one hundred*. – Chicago: University of Chicago Press, 1999; Carey J.T. *Sociology and public affairs: The Chicago school*. – Beverly Hills: Sage Publications Inc., 1975; Faris R.E.L. *Chicago sociology: 1920-1932*. – Chicago: University of Chicago Press, 1967; Harvey L. *Myths of the Chicago school of sociology*. – Aldershot: Avebury, 1987; Hinkle R.C. *Developments in American sociological theory, 1915-1950*. – Albany: State University of New York Press, 1994; Lewis D.J., Smith R.L. *American sociology and Pragmatism: Mead, Chicago sociology and symbolic interactionism*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980; Matthews F. *Quest for an American sociology: Robert E. Park and the Chicago school*. – Montreal: McGill-Queen's, 1977; Smith D. *The Chicago school: A liberal critique of capitalism*. – L.: Macmillan, 1988; Tomasi L. (ed.) *The tradition of the Chicago school of sociology*. – Aldershot etc.: Ashgate, 1998. Важнейшие публикации на русском языке: Баньковская С.П. Роберт Парк; Эрнст Бёрджесс // Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 3-32; Николаев В.Г. Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии: случай человеческой экологии // Социологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 18-55. Имеются также отдельные статьи о Р.Э. Парке, Дж.Г. Миде, Л. Вирте, Э.Ч. Хьюзе, Р. Редфилде, Г. Блумере, Л. Эдвардсе.

³ См. особенно: Bulmer M. *The Chicago school of sociology: Institutionalization, diversity, and the rise of sociological research*. – Chicago: University of Chicago Press, 1984; Platt J. *A history of sociological research methods in America, 1920-1960*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Первой мировой войны определялся прежде всего тем, что происходило на американской сцене, современная социология как таковая.

Ни перед Р. Парком, ни перед его коллегами по факультету социологии и антропологии Чикагского университета⁴ не стояла задача создать какую-то особую школу. Они развивали социологию как таковую, понимая, что она должна стать эмпирической наукой, соответствующей критериям научности, как они тогда понимались. В начале XX в. ни в Америке, ни в Европе таковой не было. С одной стороны, сложилась традиция проблемно-ориентированных любительских социальных обследований, не ставящих собственно научных задач и не вписанных в какие-либо теоретические перспективы (в Чикаго она была представлена, например, обследованиями сотрудниц Халл-Хауса⁵). С другой стороны, были многочисленные теории спекулятивного характера, не соотносимые с эмпирическими исследованиями. Эти две линии развития существовали совершенно независимо друг от друга, и их нужно было как-то соединить. Различные теоретические позиции, существовавшие параллельно и обособленно, нужно было как-то соотнести; идеи полипарадигмальности и теоретического плюрализма были чуждыми этой эпохе. Сборку единой науки из разрозненных эмпирических и теоретических компонентов мы и находим в работе тогдашних чикагских социологов.

Нередко эта сборка характеризуется как «эkleктическая». Но подобная оценка вряд ли справедлива. Отчасти она является проекцией в прошлое тех политических размежеваний и конфликтов между «школами», «подходами», «парадигмами» и «направлениями», которые возникли уже после чикагцев и не были фоном для их научной работы. Более того, чикагская социология во многих отношениях предвосхищает лучшие поздние теоретические синтезы, образцовым примером которых служит теория Т. Парсонса. В чикагской социологии, при всей ее пестроте, мы находим высокую степень внутренней связности и согласованности в базовых принципах, придающую вписанным в эту традицию текстам особую, уникальную окраску и позволяющую читать их как части общего интеллектуального предприятия.

Своей уникальной композицией чикагская социология 1920-х – 30-х гг. обязана прежде всего Р.Э Парку, ее признанному интеллектуальному лидеру. Но не только ему. Идеи Парка развивались в тесной связке с проводимыми в эти годы исследованиями, и многие элементы общей теоретической рамки более детально и основательно прописаны не в его трудах, а в трудах его сподвижников. Сама эта рамка в значительной степени развивалась по ходу дела в ответ на проблемы и вызовы, возникавшие в процессе проведения исследований. Многие идеи возникали и прорабатывались в ходе дискуссий

---

⁴ На факультете работали не только социологи, но и антропологи, причём очень известные и влиятельные – Э. Сепир, Р. Редфилд.

⁵ Hull-House maps and papers, a presentation of nationalities and wages in a congested district of Chicago, together with comments and essays on problems growing out of the social conditions. – N.Y.: Thomas Y. Crowell & Co., 1895. О значимости этих исследований для Чикагской школы см.: Deegan M.J. Jane Addams and the men of the Chicago school, 1892-1918. – New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1988.

на университетских занятиях, очень непохожих (судя по воспоминаниям тех, кто в них участвовал) на учебные занятия, какими мы их знаем сегодня.

Общая теоретическая рамка, рассеянная по разным текстам Р.Э. Парка, Э.У. Бёрджесса, Л. Вирта и многих других авторов и придающая чикагской социологической традиции внутреннюю связность, может быть в общем виде охарактеризована как многомерная⁶. Она опирается на достаточно отчетливо сформулированные допущения относительно природы человека, социального порядка, человеческого поведения/действия и социального взаимодействия. В соответствии с ними любое коллективное образование рассматривается как упорядоченное на нескольких уровнях: экологическом (и демографическом), экономическом, политическом, культурном, социально-психологическом. Каждый из этих порядков мыслился как предмет отдельной дисциплины, но целостное видение социального процесса предполагало соотнесение знаний, получаемых с разных дисциплинарных точек зрения; такое соотнесение было задачей социологии как общей науки. Социология как специальная наука у чикагцев образовалась из суммы перспектив, не «занятых» утвердившимися академическими дисциплинами. В ее состав вошли *человеческая экология*, изучающая экологический порядок (позже из нее выделилась как отдельная дисциплина демография), *социальная психология*, изучающая культурные и социально-психологические факты (позже она превратилась в символический интеракционизм), а также «*социальная организация*», сфокусированная на всестороннем синтетическом изучении различных институтов. Эти три науки стали специализациями на факультете социологии Чикагского университета, развивающимися каждая в своем русле. Соответственно, в рамках чикагской традиции сформировались и развивались несколько типов исследований, изначально связанных друг с другом общей теоретической рамкой, но позже разделившихся: экологические (включая демографические) исследования, интеракционистские социально-психологические исследования (имевшие в 20-е годы во многом антропологический характер) и целый ряд близких по духу комплексных исследований различных групп и институтов (занятий и профессий, семьи, шаек, досуговых учреждений, расовых и этнических гетто, организованной преступности, выборов, газет и т.д.).

Социология мыслилась чикагцами как эмпирическая наука (настолько, что специальное занятие разработкой теории и методологии рассматривалось как бесплодное дело, не заслуживающее траты времени и сил). Превращение социологии в эмпирическую науку было смоделировано Парком по образцу психологии, которая в XIX в. стала в полном смысле слова наукой благодаря утверждению в ней экспериментального метода и появлению лаборатории. В случае социологии своего рода лабораторией был признан город; проведение

---

⁶ Детальную ее реконструкцию можно найти в статье: Николаев В.Г. Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии...

собственно экспериментов, однако, не требовалось, поскольку совместное существование людей само по себе виделось как эксперимент⁷.

Так эмпирическая социология стала у чикагцев городской социологией. Программа эмпирических исследований была предложена Р.Э. Парком в его ранней большой статье «Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской среде» (1915)⁸. Корни многих знаменитых чикагских исследований 20-х – 30-х гг. обнаруживаются в тех или иных разделах этой работы. Большинство исследований проводилось в Чикаго как образцовом крупном современном американском городе, часть исследований – в других городах и даже не только в городах⁹.

Поскольку быстроразвивающийся крупный современный город был не просто площадкой для проведения исследований, но и мыслился как арена, на которой развёртываются все основные социальные процессы, в том числе специфически современные, и на которой все больше раскрывает и выражает себя человеческая природа, то городские исследования чикагцев всегда были в той или иной мере исследованиями общества как такового, современности и модернизации как таковых, человеческой природы как таковой¹⁰. В лучших их образцах ясно и недвусмысленно присутствовали эти акценты.

Эмпирические исследования чикагцев были ориентированы на тесную связь с практикой и были проблемно-сфокусированными. Так, исследования естественных ареалов, сообществ и соседств стали фундаментом для нового районирования Чикаго (во многом сохранившегося по сей день). Целый ряд

---

⁷ Парк Р.Э. Город как социальная лаборатория // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб.: «Владимир Даль», 2008. – С. 29-43.

⁸ См.: Парк Р.Э. Избранные очерки. – С. 19-56.

⁹ Например, юкатанские и гватемальские исследования Р. Редфилда были выстроены в соотношении с континуумом «народное–городское» и сфокусированы на изменениях, происходящих в народных (традиционных) культурах под воздействием вторгающейся в них современности и урбанизма. См.: Николаев В.Г. Роберт Редфилд и его концепция «народного общества» в контексте чикагской социально-научной традиции // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. X. – Вып. 5-6 (44-45). – С. 99-112.

¹⁰ Как писал Р.Э. Парк, «в городе любое качество человеческой природы не только наглядно проявляется, но и усиливается. В городе, на свободе, каждый индивид, каким бы эксцентричным он ни был, непременно находит ту среду, в которой он может развить и каким-либо образом проявить особенности своей природы. И маленькое сообщество иногда терпит эксцентричность, но город зачастую и вознаграждает ее. Несомненно, город притягивает тем, что здесь любой тип индивида – будь то преступник или попрошайка, равно как и гений – всегда найдет подходящую компанию, и порок или талант, сдерживаемый в более тесном кругу семьи или в более узких рамках малого сообщества, обнаруживает здесь моральный климат, в котором он расцветает. А в целом, все заветные чаяния и все подавленные желания находят в городе то или иное выражение. Город усиливает, простирает и выставляет напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях. Именно это привлекает, или даже притягивает, в город. И именно это делает его наилучшим из всех мест для раскрытия потаенных человеческих сил и для изучения человеческой природы и общества» (Парк Р.Э. Город как социальная лаборатория. – С. 42-43).

исследований проводился в тесной связке с работой всевозможных комиссий (по расовым отношениям, по трудовым отношениям, по работе с детьми и подростками-правонарушителями и т.д.). Предполагалось, что социология не только может, но и должна приносить реальную и ощутимую пользу людям – как такую конкретную, так и, в более широком смысле, просветительскую.

Тематически это были очень разнообразны исследования. В них была широко представлена собственно городская тематика: внутренняя структура города, городские сообщества, многообразие городских культурных миров и образов жизни. Сюда можно отнести исследования города как мозаики миров (Х.У. Зорбо, «Золотой берег и трущобы», 1929), еврейского гетто и прочих видов гетто (Л. Вирт, «Гетто», 1928), негритянских сообществ (Ч. Джонсон, «Негр в Чикаго», 1922), общины хлыстов (П. Янг, «Пилигримы Русского городка», 1932) и т.д. Интенсивно исследовались всевозможные городские институты: городская семья (Э.Р. Маурер, «Семейная дезорганизация», 1927; Э.Ф. Фрейзер, «Негритянская семья в Чикаго», 1931; работы Э.У. Бёрджесса, Л. Котрелла и др. о семье и браке), занятия и профессии (Ф.Р. Донован, «Продавщица», 1929; Э.Ч. Хьюз, «Рост института: Чикагское агентство недвижимости», 1979 [1928]), газеты (Х.М. Хьюз, «Новость и интересная история», 1940; Р.Э. Парк, «Иммигрантская пресса и ее контроль», 1922) и кино (исследования влияния кино на разные аспекты поведения горожан, 30-е годы), гостиницы (Р.С. Хейнер, «Гостиничная жизнь», 1936), танцевальные залы (П.Г. Кресси, «Таксидэнс-холл», 1932) и др. Многочисленные работы были посвящены расовым отношениям, меньшинствам и национализму (Ч. Джонсон, Э.Ф. Фрейзер, Л. Вирт, Р.Э. Парк, Э.Б. Рейтер, Э.В. Стоунквист). В исследованиях чикагцев была обильно представлена криминологическая проблематика. Сюда относятся исследования преступности и молодежной делинквентности (К. Шоу и др., «Ареалы делинквентности», 1929; К. Шоу, «Обирающий пьяных: История делинквентного подростка, рассказанная им самим», 1930; К. Шоу, «Естественная история делинквентной карьеры», 1931; К. Шоу и др., «Братья по преступлению», 1938), шаек (Ф.М. Трэшер, «Шайка», 1927), проституции (У. Реклесс, «Порок в Чикаго», 1933), организованной преступности (Дж. Ландеско, «Организованная преступность в Чикаго», 1929). Работа Р. Шонле Кэван «Самоубийство» (1928) около двух десятилетий считалась образцовым социологическим исследованием суицида и даже затмило по значимости классическую работу Э. Дюркгейма. Немалое значение имели и чикагские исследования различных форм коллективного и массового поведения, таких как публики и толпы (Р.Э. Парк, «Толпа и публика», 1972 [1904]), шайки (Ф.М. Трэшер), профсоюзное движение и забастовки (Э.Т. Хиллер, «Забастовка», 1928), расовые бунты (Ч. Джонсон, «Негр в Чикаго», 1922) и революции (Л. Эдвардс, «Естественная история революции», 1927). Наконец, важное место в научном наследии чикагцев занимают исследования современной/городской личности (Э.У. Бёрджесс и др., «Личность и социальная группа», 1929; Н. Андерсон, «Хобо», 1923; Э.В. Стоунквист, «Маргинальный человек», 1937).

Многие из этих исследований до сих пор привлекают внимание своей оригинальностью и плодотворностью, а заключенный в них опыт служит предметом критического изучения и переосмысления. Некоторые развитые в них концепции и подходы и сегодня сохраняют свою жизнеспособность (как, например, концепция новости или концепция маргинального человека).

Особое внимание сегодня привлекает методология этих исследований. Одна из проблем в данном случае состоит в том, что в чикагской традиции методология (также как и теория) не была предметом специального интереса. Многообразие методов и процедур сбора данных определялось не какими-то эксплицитными правилами, а скорее общими представлениями об изучаемом предмете, исследовательскими нуждами и попросту обстоятельствами. Была задача в чём-то разобраться, и для достижения этой цели использовались все доступные способы.

Отчасти это многообразие методов досталось чикагцам в наследство от традиции социальных обследований. В зачаточном виде почти все эти методы, от статистики и анкетного опроса до городской этнографии, можно найти в этой традиции (у Ч. Бута, в чикагских обследованиях Халл-Хауса, в Питтсбургском обследовании и т.д.). Однако в социологии Чикагской школы все они получают более дисциплинированное и находчивое применение.

Чикагские социологи пользовались в своих исследованиях разного рода статистикой, собираемой как Бюро переписи населения, так и социальными службами, полицией, государственными, муниципальными, общественными организациями. Для того, чтобы можно было проводить более обоснованные и надежные сравнения разных районов города, по их инициативе в Чикаго были введены более мелкие переписные участки. Широко практиковался и самостоятельный сбор статистических данных, когда готовые статистические сводки отсутствовали (как, например, статистика гостиничного населения у Хейнера или статистика посещаемости городского центра в разные времена суток). В 20-е годы методы статистического анализа данных практически не применялись, но уже во второй половине 30-х – при активнейшем участии Э.У. Бёрджесса и У. Огборна – получили применение факторный анализ, корреляционный анализ и т.п. (например, в исследованиях эффективности условно-досрочного освобождения заключенных).

Разновидностью статистического метода, отличительной для чикагской традиции, стала картография. Известно, что в эти годы без карт невозможно было защитить ни одну диссертацию. Картографирование в исследованиях городов применялось и раньше (ещё со времен Ч. Бута), но никогда прежде не было такого тематического разнообразия карт. На карты разных видов (точечные, штриховые и т.д.) наносилось буквально всё: демографические данные, преступность, подростковые правонарушения, шайки, самоубийства, притоны, цены на землю, разные виды танцевальных заведений, кинотеатры и т.д. Помимо наглядного представления статистических данных по районам, карты служили основой для дальнейших углубленных исследований: они визуализировали территориальное (экологическое) распределение изучаемых

феноменов и проблем и позволяли выявить места их высокой концентрации для последующего качественного исследования их *in situ*. Предполагалось, что условия, благоприятные для этих феноменов и проблем, присутствуют в этих районах в наиболее выраженном виде. Так, исследование мира шаек проводилось в местах сосредоточения шаек (Ф.М. Трэшер), исследование социальных факторов самоубийства проводилось в районе с самым высоким уровнем самоубийств (Р. Шонле Кэван), глубинному изучению факторов подростковой делинквентности и роста преступных карьер предшествовало изучение территориального распределения правонарушений и выявление «ареалов делинквентности» (К. Шоу и др.), для исследования своеобразия современной городской личности выбирались места, в которых были сильнее всего выражены характеристики современного крупного города, например гостиницы (Н.С. Хейнер).

Образцовые чикагские исследования чаще всего строились по такой модели: сначала проводилось экологическое исследование распределения изучаемого явления, в котором выделялись места его концентрации, а далее следовало исследование «на месте», в котором решались задачи понимания и объяснения. Решение последних предполагало непосредственное знакомство с изучаемым фрагментом социальной реальности. Известно наставление Р.Э. Парка: «Вам говорили идти и порыться в библиотеке, накапливая тем самым кучу заметок и вбирая слой глубоко въевшейся книжной пыли. Вам говорили выбирать проблемы там, где вы сможете найти заплесневелые штабеля рутинных записей, базирующихся на тривиальных формах, подготовленных усталыми бюрократами и заполненными смущенными претендентами на помощь, придирчивыми благодетелями или равнодушными клерками. Это называется “запачкать ваши руки в реальном исследовании”. Те, кто вам это советует, люди мудрые и почтенные; резоны, которые они приводят, очень ценны. Но нужна еще одна вещь: непосредственное наблюдение. Пойдите и посидите в холлах роскошных гостиниц и на порогах ночлежек; посидите на диванах Золотого берега и на кроватях в трущобах; посидите в Концертном зале и на представлении бурлеска в “Стар энд Гартер”. Короче говоря, джентльмены, идите и запачкайте ваши штаны реальным исследованием»¹¹.

Парк и сам практиковал, и прививал своим ученикам ознакомительные социологические прогулки по городу. Описание одной из таких прогулок (из центра Чикаго в трущобы и другие районы Ближнего Норт-Сайда) можно найти в первой главе книги Х.У. Зорбо «Золотой берег и трущобы».

Использовались чикагскими исследователями и более систематические виды этнографического наблюдения, невключенного и включенного. Так, Ф.М. Трэшер, изучая чикагские подростковые шайки, поселился неподалеку от мест их высокой концентрации, чтобы наблюдать их в естественной среде (на улице). Н. Андерсон, исследуя странствующих рабочих (хобо), регулярно бывал в районе, в котором они временно селились, с тем чтобы наблюдать их

---

¹¹ Цит. по: McKinney J.C. Constructive typology and social theory. – N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1966. – P. 71.

повседневную жизнь; это позволяло ему по случаю вступать с ними в беседы на улице, в кафе, на лавочках в парке, и эти свободные беседы (интервью) дали важный материал для его книги «Хобо». Х.У. Зорбо несколько месяцев снимал жилье в Ближнем Норт-Сайде, чтобы наблюдать жизнь изучаемых им районов города изнутри. П.Г. Кресси в целях изучения внутреннего мира таксидэнс-холлов стал завсегдатаем подобных заведений, что позволило ему не только напрямую прочувствовать их атмосферу, но и собрать нужную ему информацию через разговоры с танцовщицами, клиентами и хозяевами этих заведений. В отдельных исследованиях (правда редко) использовалась также визуальная этнография. Так, Трэшер собрал коллекцию фотографий шаек, и некоторые из них были включены в его монографию.

Наблюдения у чикагцев были практически неотделимы от интервью. Судя по всему, интервью протекали свободно и без заранее подготовленных списков вопросов. Как они проводились и документировались – неизвестно, но в публикациях чикагцев присутствуют многочисленные выдержки из них.

Начиная с новаторского исследования У.А. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», чикагцами широко применялся анализ личных документов. Это были очень разные документы. Например, в основу исследования самоубийства у Р. Шонле Кэван были положены два дневника девушек-самоубийц (хотя использовались и другие материалы). Широко использовались биографии и автобиографии; иногда они собирались через интервью, иногда – писались людьми на заказ. На автобиографических материалах и сопоставлении их с другими данными построены, например, книги К. Шоу «Обирающий пьяных» и «Братья по преступлению». Много таких материалов мы находим и в других работах чикагцев, хотя там они играют вспомогательную роль (образцовый пример – автобиографический нарратив «приютской девушки» в книге Зорбо «Золотой берег и трущобы»). К категории биографических материалов причислялись и газетные истории, особенно в жанре исповедей и «криков души».

Не менее важную роль во многих исследованиях играли документы самых разных организаций (полиции, судов, благотворительных организаций и душеспасительных миссий, всевозможных комиссий и т.п.), публикации в прессе и газетные архивы. Например, внимательное изучение подшивок и архивов чикагских газет за 25-летний период позволило Дж. Ландеско, когда он исследовал историю чикагской организованной преступности, обнаружить несколько важных имен, не фигурирующих в полицейских картотеках в силу тесных связей полиции с преступным миром.

Если взять для сравнения нынешнее состояние социологии, то и здесь мы находим многообразие применяемых методов в связи с решением разных познавательных задач. Что отличает чикагскую социологию, так это то, что они были вписаны в целостную и понятную теоретическую рамку, а также то, насколько это было сделано изобретательно и элегантно. Именно этим во многом и определяется ценность «золотого века» Чикагской школы сегодня.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И МЕТОД СОЦИОЛОГИИ

Хотя для чикагской традиции, построенной на принципах прагматизма, характерны теснейшее переплетение теории, методологии и исследования и вытекающее отсюда равнодушие к чистому теоретизированию, мы можем найти у ее представителей немало текстов, имеющих рамочный характер, в которых представлены различные компоненты их теоретических схем, а также содержательные обобщения. Теория и метод в этих текстах почти не разделены, поскольку такие компоненты теории, как понятия, модели и т.д., имеют, с прагматистской точки зрения, сугубо инструментальный характер и, соответственно, могут быть в равной степени истолкованы и как компоненты метода. Ниже вниманию читателя предлагается несколько таких текстов.

Эта подборка не претендует на репрезентативность. В нее не включены многие тексты, которые имели бы приоритетное право в нее попасть, но уже опубликованы в предыдущих изданиях этой книжной серии (имеются в виду прежде всего работы Р.Э. Парка и Л. Вирта). Вместе с тем эта подборка дает общее представление о разных линиях теоретического развития, которые во времена Парка были частью единой системы координат, но впоследствии разделились и развивались уже независимо друг от друга.

Статья Р.Э. Парка и У.А. Томаса – важный документ их недолгого сотрудничества, во многом предопределившего общие очертания социологии Чикагской школы.

В статье Р.Д. Маккензи мы обнаруживаем в чистом виде экологический подход к изучению социальных феноменов, впоследствии превратившийся в отдельную социальную науку (человеческую экологию), а позже, у Э. Хоули, в самостоятельную социологическую парадигму.

В классической статье Э.У. Бёрджесса, в которой была разработана знаменитая концентрическая модель роста города, мы видим несколько иную версию экологической перспективы, чем у Р.Д. Маккензи, более открытую для соединения с другими перспективами, входящими в схему соотношения, разработанную Р.Э. Парком.

В статье Э. Фэриса, содержащей критический разбор очень важного для чикагской традиции понятия первичной группы, хорошо представлена социально-психологическая (интеракционистская) перспектива, входившая наряду с другими в эту общую схему соотношения, но позже обособившаяся (как и человеческая экология) в качестве отдельной дисциплины, а затем и самостоятельной парадигмы (символического интеракционизма).

В работах Э.Ч. Хьюза в свою очередь мы можем найти продолжение и развитие той многомерной социологии, за которую ратовал Р.Э. Парк. Его подход к изучению институтов включает в себе оригинальное соединение экологической, антропологической и социально-психологической перспектив и в наибольшей степени сохраняет ту интегративную интенцию, которая характеризовала чикагскую традицию в пору ее раннего расцвета.

РАЗДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ И СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Значительную часть наследия Чикагской школы составляют работы, имеющие в большей или меньшей степени эмпирический характер. В этом разделе представлены такие работы. Им свойственно не только тематическое разнообразие, но и разнообразие воплощенных в них типов исследования.

«Гетто» Л. Вирта, «Золотой Берег и трущобы» Х.У. Зорбо, «Таксидэнсхолл» П.Г. Кресси, «Шайка» Ф.М. Трэшера – одни из наиболее известных и чаще всего вспоминаемых сегодня чикагских монографий. Во всех них мы находим образцовый чикагский тип эмпирического исследования, в котором сочетаются экологическая, антропологическая и социально-психологическая точки зрения, и все они вносят важный вклад в понимание существенных свойств современного общества и жизни большого современного города.

Книга Э.В. Стоунквиста «Маргинальный человек» менее известна, но не менее важна в контексте Чикагской школы, поскольку в ней раскрываются изменения, происходящие в человеческой личности и культуре в процессе современного роста миграций и вовлечения во взаимодействие групп, прежде разделенных и не входивших друг с другом в контакт. В этой книге применен иной тип исследования: Стоунквист сравнивает множество случаев, опираясь не на собственную полевую работу, а на релевантную литературу.

Книга Х.М. Хьюз «Новость и интересная история», построенная на детальном и кропотливом анализе газет, новостных материалов и иного рода текстовых документов, в свое время осталась недооцененной, но до сих пор остается оригинальным вкладом в понимание эволюции медиа и содержания новостных сообщений. В этом исследовании разворачиваются идеи Р.Э. Парка о развитии газет, природе новостей и изменениях, приходящих в общество с современными СМИ.

В статье Э. Фэриса «Секта и сектант» представлен интеракционистский тип социологического анализа. Мы не находим в ней эмпирических данных, но Фэрис опирался в своем анализе как на собственный опыт (он много лет посвятил миссионерской работе в Африке и хорошо знал предмет), так и на опыт своих коллег (внимание к феномену секты было характерно для многих чикагских социологов).

Исследования гостиничной жизни Н.С. Хейнера – не самая известная страница в истории Чикагской школы, но в них дается интересный взгляд на природу современного города и показывается связь личностных изменений и изменений в поведении с современной городской мобильностью и таким важным элементом ее инфраструктуры, как гостиничные учреждения.

Две статьи Н.С. Хейнера о тюремных сообществах – малоизвестная, но интересная попытка применения чикагского опыта полевого исследования сообществ и культурных миров к такому институту, как тюрьма. И это одна из первых попыток социологического изучения тотальных институтов.